

Владимир Рыжковский

Michael Kennedy. Globalizing Knowledge: Intellectuals, Universities, and Publics in Transformation. Stanford, CA: Stanford University Press, 2015. 424 pp. ISBN 978-0-8047-9343-8.

Владимир Рыжковский. Адрес для переписки: Georgetown University, Department of History, 37th and O Streets, NW, ICC 600, Washington, DC 20057, USA. vr297@georgetown.edu.

Исчезновение Советского Союза в 1991 году ознаменовало собой завершение эксперимента по практической реализации идейной утопии, а вместе с этим и закат восходящей к Просвещению культурной эпохи, признававшей перформативную силу за идеями, знанием и их носителями. Однако последовавшие за этим дискуссии о «конце интеллектуалов» сопровождались не только ностальгическим сожалением об утрате вневременного идеала, но и рефлексией о переменчивых исторических условиях, позволивших «интеллектуалам» обрести относительную автономность и претендовать на глобальную значимость в «долгом» XIX и «коротком» XX веках (термины принадлежат историку Эрику Хобсбауму, подробнее об их происхождении и эволюции см. Ананьева 2013). Историко-социологические размышления о трансформации национальных рынков и политических элит, динамике национальных и социальных революций обнажали историчность фигуры интеллектуала, а вместе с тем и возможную преждевременность метафизического вердикта об их «конце» (Trebitch and Granjon 1998; Sapiro 2009).

С точки зрения американского социолога Майкла Кеннеди, именно историческая рефлексивность позволяет осознать уникальность нашей эпохи, по своему значению не уступающей революционным поворотам прошлого. Информационная революция сводит на нет географические дистанции, создает глобальные рынки, а также увеличивает глобальные риски социального и экологического характера. Знание при этом играет ключевую роль в поддержании стабильного функционирования мировой системы. В условиях кризиса, который, согласно Кеннеди, мир переживает в настоящее время, перед носителями знания открывается возможность для разумного влияния на перемены, неизбежные в процессе воспроизводства системы. Однако успешность интеллектуальных интервенций напрямую зависит от желания критически подойти к доставшимся от прошлого представлениям о знании и его институтах. От нашей способности сформулировать правильные вопросы, утверждает Кеннеди, будет зависеть не только возможность создания более справедливого мира, но и само будущее планеты. «Глобализующееся знание» как раз и пытается набросать контуры и выработать понятия социологии знания и интеллектуалов в меняющемся XXI веке.

Кеннеди многократно напоминает читателю, что исторически знание играло важнейшую роль в создании и легитимации глобальных иерархий эксплуатации и неравенства. При этом иерархичность эпистемологической структуры знания

(с наукой на самом верхнем этаже) отражала иерархии политического господства: подавление знания «других» о себе и мире шло рука об руку с превращением знания о «других» в элемент господства колониальных империй (классическая критика этих представлений: Said 1978; Scott 1998). Даже современные интеллектуалы-революционеры представляли эмансипацию иерархичным проектом, с целями и субъектом действия, предписываемыми самими интеллектуалами. Напротив, глобализующееся знание будущего должно строиться не по модели иерархической пирамиды с академическим и европейским знанием на вершине, но плюралистично, в полной мере принимая вызов «инакости» и «различия», включая как виды неакадемического знания, зарождающегося в сетях социальных активистов и мастерских художников, так и локального знания, отвергающего западный рационализм в качестве единственного способа познания мира. Конечно, всякое знание является контекстуально детерминированным, а сам обмен знанием осуществляется в рамках структур, несущих на себе печать исторически сложившегося неравенства. Поэтому Кеннеди вновь подчеркивает, что именно историческая *рефлексивность* по отношению к основаниям этого знания и структур, опосредующих его, является первым шагом на пути к установлению подлинно глобального диалога. Его потенциальные участники, учитывая плюралистичность глобализующегося знания, необязательно являются интеллектуалами в строгом смысле этого слова, но они все разделяют качество *интеллектуальности*: ответственности перед находящимся в процессе изменений миром и укорененностью в структурах коллективного действия и солидарности. Интеллектуальность тем самым может быть атрибутом как индивидов, так и институтов, дисциплин, публик и даже массовых движений. Наиболее важным звеном в теоретическом построении Кеннеди является вопрос о том, каким образом глобальные потоки информации, энергии и ресурсов создают условия для циркуляции знания между локасами интеллектуальности и формирования глобальной солидарности. В центральных главах книги Кеннеди формулирует свои ответы, подчеркивая неизбежную и необходимую контекстуальную обусловленность представленного анализа. С одной стороны, он критически разбирает препятствия на пути к глобальной солидарности, как они ему видятся из перспективы американского университетского кампуса. С другой – используя свой опыт участия в глобальных интеллектуальных сетях, пытается концептуально осмыслить примеры практик и институтов знания, трансформирующих мир уже сегодня.

Нынешний американский университет является воплощением коммерциализированной глобализации знания. Ею пропитаны отчеты университетских комитетов и президентов об открытии новых заморских кампусов, укреплении позиций в глобальных рейтингах и постоянно растущем числе международных студентов. Тем не менее Кеннеди видит препятствия на пути к глобализованному знанию не только в давлении со стороны рынка, но и в институциональной и интеллектуальной инерции. Преодолеть ее можно только за счет формирования большей ответственности университетов по отношению к локальным и глобальным публикам. В американском случае, помимо большей доступности высшего образования, это означает необходимость активного участия университетов как

социальных и экономических институтов в жизни локальных сообществ городов и городков, с которыми они связаны. Ответственность перед публиками должна менять и характер производимого знания. В качестве примера такой более ангажированной академической позиции Кеннеди приводит «публичную социологию» Майкла Буравого. «Публичная социология» формулирует исследовательские проблемы с точки зрения гражданского общества, при этом воспринимая публику не столько в качестве объекта исследования, но в большей степени в качестве партнера. В свою очередь, установление отношений солидарности с глобальными публиками станет возможным лишь после преодоления исторически сложившихся дисциплинарных ограничений в американских социальных науках, которые маргинализируют и делают недоступными опыт целых мировых регионов. Кеннеди иллюстрирует этот тезис путем сравнения присутствия/отсутствия на американском академическом рынке знания о Польше, Афганистане и Косово.

Университет был и остается ключевым институтом, ответственным за производство фундаментального знания. Однако «имеющее последствия знание характеризуется не столько глубиной и широтой, но способностью формировать новые связи вокруг слабо артикулируемых и потенциально важных вопросов» (с. 200). Институциональная громоздкость и привязанность университета к рынку делает необходимым использование более мобильных каналов связи и обмена информацией для артикуляции и решения глобальных задач. Оптимальной формой организации интеллектуальности Кеннеди считает сети, которые вследствие своей организационной гибкости способны уделять гораздо больше внимания «трансформациям, а не воспроизводству статус-кво» (с. 229). Уникальность сетей в новом мире заключается в том, что они могут активироваться экспонентно, используя весь набор интерактивных и медийных средств для артикуляции ключевых вопросов и также мгновенно исчезать, не беспокоясь о собственном выживании. Конечно, сети не обладают бесконечной автономностью, но Кеннеди убежден, что даже знание, рожденное в сетях, подпитываемых финансовыми потоками и интересами, может иметь непредсказуемые результаты. Не столь важно – марксистской или попперианской философией вдохновляются социальные, научные и экологические проекты, реализуемые в рамках сетей. Несмотря на отличия, их сближает витгенштейновское подобие в осознании глобальных рисков и стремлении менять мир к лучшему (с. 312). Поэтому в типологии, предложенной Кеннеди, мы находим и чисто академические сети (арабский онлайн-журнал *Jadaliyya* или Исследовательский совет по социальным наукам (SSRC)), и сети, направленные на расширение демократии (фонд «Открытое общество» и его программы), антиглобалистские (Всемирный социальный форум) и неолиберальные сети (Всемирный экономический форум).

Кеннеди отмечает, что сети глобализующегося знания в идеале напоминают дизайн с его подвижностью, скептическим оптимизмом и визуализацией, устанавливающей диалогическое отношение между ландшафтами и объектами, которые вписываются в него. Подобным же образом сети находятся в состоянии обратной связи с публиками и движениями, в своей практике воплощающими ценности интеллектуальности. Кеннеди усматривает именно такую динамику взаимоотношений между сетями и движениями в протестах Оссуру, Арабской весне, киевском

Майдане, европейской мобилизации против утверждения соглашения АСТА. Эти новые движения отказываются от традиционно понятой политики как репрезентации групповых или классовых интересов в публичном пространстве. Вместе с этим утрачивает свой смысл и грамшианское различие традиционных и органических интеллектуалов. Интеллектуалы в строгом смысле слова по-прежнему могут играть роль важных интерпретаторов (*sense-maker*) глобальных процессов, однако теперь они занимают лишь одно звено в цепочках артикуляции глобального знания между академическими исследованиями, ангажированной этнографией и активистскими публикациями. Кеннеди подытоживает, что при помощи интернета и высшего образования артикуляция и ре-артикуляция¹ знания способны продуцировать солидарность между публикациями в противовес узкому пониманию гражданства, свойственного либерализму и сводящегося к капиталистической триаде «собственник – производитель – потребитель». В идеале этот процесс мог бы привести к созданию глобальной публичной сферы, которая будет определяться не одной лишь способностью к рациональному дискурсу, как то утверждал Юрген Хабермас (Habermas 1989), но также эмпатическим желанием превратить процесс обучения у «другого» в готовность разделить с ним его бремя истории. В итоге глобализующееся знание, реализуясь через новую коммуникативную этику, извбавляет политический идеал демократии и гражданского общества от плоской нормативности, характеризующей предыдущие версии глобальной универсальности (Wallerstein 2006).

Несмотря на настойчивое стремление Кеннеди убедить читателя в новизне текущего момента и нашего интеллектуального опыта, порожденного глобальными коммуникациями, при чтении книги довольно трудно избавиться от исторических ассоциаций. Американские прогрессисты начала XX века разоблачали абстрактные пороки капиталистической цивилизации, противопоставляя опасной революционной борьбе веру в благотворное влияние знания и техники. Конечно, в отличие от невинно расистских и технократических эксцессов оригинального прогрессизма, Кеннеди демонстрирует безупречную политкорректность. Но и его текст, напоминая в этом самые вдохновенные прогрессистские тексты, с должной дозой самокритичности рапортует о разнообразии абстрактного и анонимного неравенства и в то же время о безальтернативности достижения совершенства (*excellence*). Непрерывающийся поиск консенсуса приводит к тому, что Кеннеди испытывает неловкость даже при упоминании излишне политизированной «публичной социологии» (с. 117) или не менее ангажированной критики сетей знания (с. 308), связанных с глобальным капиталом, напоминая, что подобное увлечение политическим, пожалуй, в новых условиях, созданных коммуникативной революцией, выглядит анахронизмом.

Конечно, было бы нелепо сводить содержание книги к выражению политических предубеждений ее автора. Однако ее подчеркнута аполитичная риторика во многом симптоматична для текущего момента. Трудно представить себе прогрес-

---

¹ Кеннеди использует *articulation* в качестве понятия, отражающего двусмысленность английского слова: артикуляция – это как формулирование идей, так и способ связывания их с миром и обществами.

систский текст начала XX века, в котором бы Владимир Ленин выступал в качестве носителя прогресса заодно с Вудро Вильсоном. Мирное соседство Славоя Жижека с посетителями Давоса на страницах книги Кеннеди едва ли стало возможным лишь по причине революции в коммуникациях. Оно скорее свидетельствует о глобальной доместикации радикальной политической повестки дня, когда перформативное проговаривание правильных слов о неравенстве и господстве в университетских отчетах, арт-перформансах и на академических конференциях имеет терапевтический эффект, придающий капитализму еще большую уверенность в своей безальтернативности. Конечно, многие социальные, инфраструктурные и экологические инициативы и проекты, которые перечисляет Кеннеди, оказывают неоспоримый положительный эффект на ежедневную жизнь локальных публик. Тем не менее кризисы, подобные прошлогоднему греческому, ежечасно формулируют для всех искателей глобального знания и прогрессивных перемен вопрос о пределах эволюционного улучшения в рамках системы глобального капитализма. В независимости от политической позиции отвечающего на этот вопрос, перспектива, которая сводит анализ глобализующегося знания исключительно к проблематике культурной политики и практики, а не политической критики и теории, представляется довольно ограниченной.

В отличие от историко-социологического анализа, который использует преимущественно долговременную ретроспективу для понимания «рождения» и «конца» современных европейских интеллектуалов, книга Кеннеди является в той же мере анализом, что и предчувствием. Именно поэтому ее понятийный аппарат сформирован авторской риторикой в не меньшей степени, чем анализом конкретных институтов и практик. Однако даже не соглашаясь с автором, а порой и испытывая раздражение из-за его многословности, следует признать, что многие из поставленных им вопросов не лишены смысла и для XXI века. Чем больше политически и контекстуально разнородных ответов на них мы будем иметь, тем больше шансов для обнаружения ускользающих глобальной солидарности и знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ананьева, Анна. 2013. «"Долгий XVIII век": характерные черты периодизации вне календарной хронологии и применение концепта к российской истории». С. 319–328 в *Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия*, под ред. Елены Вишленковой и Дениса Сдвижкова. М.: Новое литературное обозрение.
- Habermas, Jurgen. 1989. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Said, Edward. 1978. *Orientalism*. New York: Vintage Books.
- Sapiro, Gisele, ed. 2009. *L'espace intellectuel en Europe: De la formation des états-nations à la mondialisation, XIXe-XXIe siècle*. Paris: Decouvert.
- Scott, James C. 1998. *Seeing like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Trebitch, Michel, and Marie-Christine Granjon, eds. 1998. *Pour une histoire comparée des intellectuels*. Paris: Complex.
- Wallerstein, Immanuel. 2006. *European Universalism: The Rhetoric of Power*. New York: New Press.